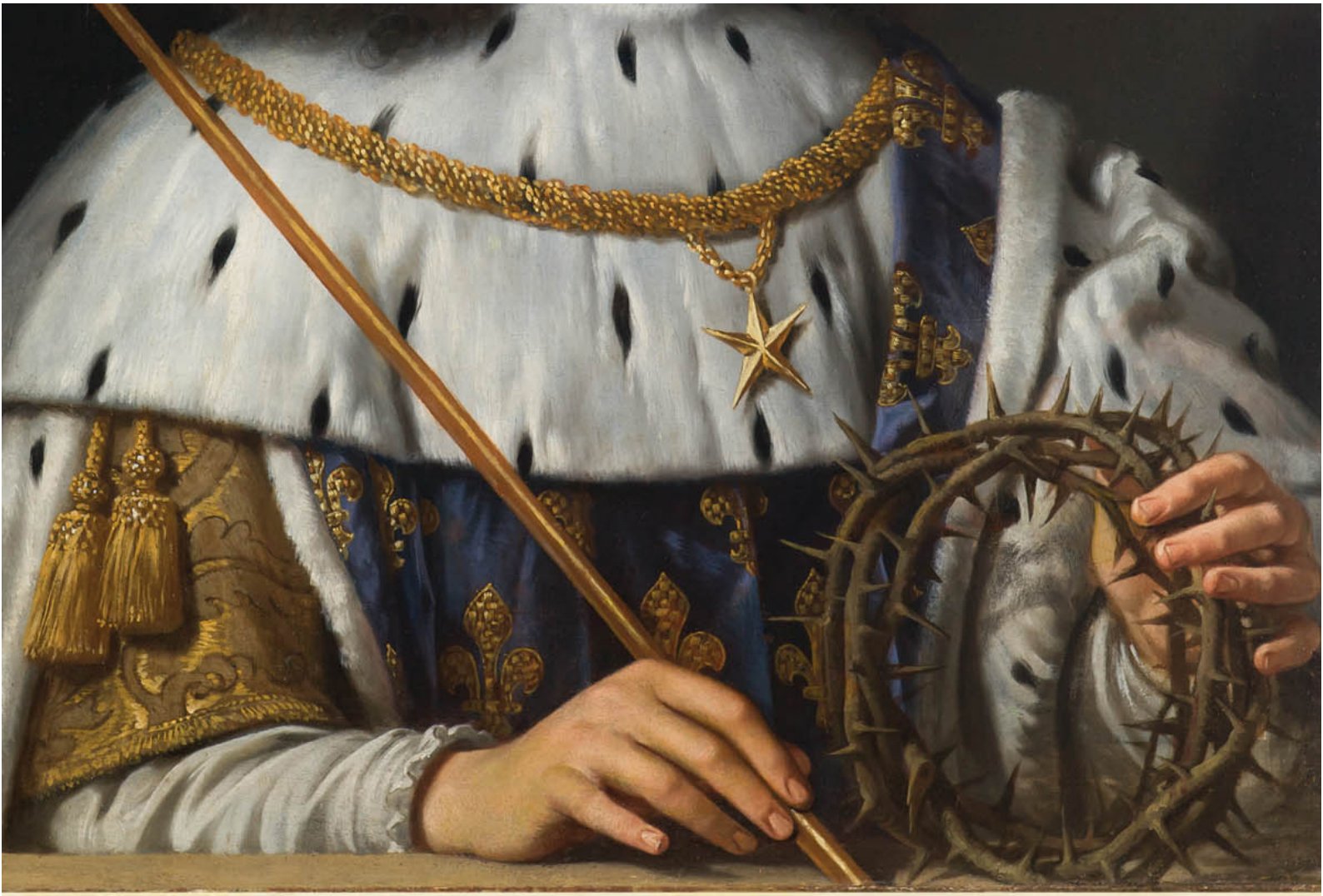

АНДРЕЙ
ЩЕГЛОВ

МЕТАФИЗИКА ВЛАСТИ

Тела мысли

Андрей Щеглов

Метафизика власти

«Алетейя»

2021

УДК 321.01
ББК 66.0

Щеглов А. П.

Метафизика власти / А. П. Щеглов — «Алетейя», 2021 — (Тела мысли)

ISBN 978-5-00165-244-1

Книга посвящена анализу понятия «власть». Данное понятие рассматривается не с точки зрения формальных, юридических отношений, устанавливаемых государственной властью над человеческой жизнью и личностью. Выбранный автором способ исследования позволяет подойти к природе «власти» через особого рода откровение, имеющее в том числе и метафизические основания. Отсюда цель книги - познать то истинно сущее, что составляет безусловную основу власти, начало ее бытия, источник ее силы и возможности. Тем самым определить, позитивные, положительные основания власти и идеальное содержание, которые можно обнаружить в практических действиях государства. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 321.01
ББК 66.0

ISBN 978-5-00165-244-1

© Щеглов А. П., 2021
© Алетейя, 2021

Содержание

Вступление 6
Заинтересованному читателю 8
Тайна власти 11
Абсолютные и относительные начала власти 14
Сущность власти 29
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Андрей Щеглов
Метафизика власти

Г.И.Х.С.Б. п.н. Аминь[1]

[1] Господи, Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Аминь.

Вступление

В наше время всеобщих духовных подмен мы живем в так называемом *государстве* или *гражданском обществе,* от которых подсознательно ждем, что они как-то сами собой в будущем непременно улучшатся. Будущее почему-то видится чем-то более совершенным, чем мрачное и темное настоящее. Различные представления о «конце света» если и ожидаются, то когда-нибудь в далеком и недосягаемом будущем, которое кажется почти фантастическим и нереальным. При этом совершенно забывается, что именно в современном духовном мире произошел надлом, что нынешними духовными авторитетами строится, по сути, новая эра, противостоящая Христу и Его Церкви. Бездны преисподней («бездны преисподней») уже разверзлись, и оттуда сладостно струится и проникает в наш безбожный мир блудодейственный дух противника Христа, имеющий разнообразные, внешне духовно благочестивые, часто государственные обличья.

Мы наблюдаем ложь и обман во всем многообразии различных духовных представлений. Истина настолько опутана ложью, что порой кажется, что правды не существует, вместо нее в запутанном жизненном лабиринте предстают лишь бесконечные фантомы. Знания человека о вечных истинах стали дробны и множественны, стройная концепция мира, как созданного Божественным Логосом, разрушилась в людских душах и умах. Бытие без Бога Слова перестало иметь смысл, все жизненные явления приобретают характер абсурдности и нереальности.

Темное и мрачное начало вошло во все многообразие бытийственных проявлений. *Культура, государство, Церковь, общественные отношения, наука* – все приобрело нездоровый оттенок ложного и бессмысленного существования. Подлинных божественных смыслов вещей почти не видно, вернее, человеческое сознание не хочет их видеть, ум и душа человеческие замкнуты на собственной конечной и условной самости. Слова и понятия утратили свой первоначальный смысл, во всем господствует неустойчивость, ложь и подмена понятий.

Мы видим, как наше бытие постепенно, словно клещами, сжимается железной хваткой чуждой и враждебной силы. Вся окружающая общественная и государственная жизнь выглядит как сплошная ложь и духовное разложение. Человеческое существование становится тлетворным, все лгут друг другу, никто не задумывается об Истине. Клевета стала добродетелью, а блуд и различные пороки воспринимаются как заслуги. Человек превращается в беспощадного хищника, желающего только денежного лихоимания.

Поэтому надо отдавать себе отчет, что мы находимся в мире духовных руин. Отсюда на первое место выходит не пошлое морализаторство, а понимание того положения, в котором мы оказались. Это понимание может быть достигнуто только тихим преображением, совершающимся в глубине человеческой души. Люди, осознающие себя в этом мире, способные отличить добро от зла, полезное от вредного, могут быть бедными или богатыми, наемными работниками или предпринимателями, богословами, инженерами, крестьянами или даже политиками. Но они с необходимостью должны понимать внутренние различия между ясным, мужественным, упорядоченным миром и стандартизированной, конформистской, пошлой серой жизнью, где господствует пустая «мораль».

Это возможно лишь при достижении такого духовного состояния, когда можно уже с презрением воспринимать одурманивающие оковы порочной политической системы. На первом месте должно находиться пренебрежение к любой идеологии, устанавливающей ложные «социальные» ценности и подменяющей подлинные духовные начала, находящиеся исключительно в Божественном Порядке. Чтобы выстоять в этом хаосе, вначале необходимо понять, что ни при каких условиях нельзя вступать во внутреннюю, духовную сделку с силами разрушения.

Попытка уладить дело с этими силами мирным путем равноценна сдаче, поражению сегодня и окончательному уничтожению будущего. Надо удержаться от скольжения к животному, примитивному, а подчас и растительному началу, находящемуся в нас и желающему свести нашу жизнь к биологическому уровню. Мы осознаем, что против этого выступает наше «я», желающее остаться сознательным и независимым. Для этого, прежде всего, надо уяснить ту темную и нижайшую часть нашей души, все более и более берущую над нами верх. Необходима точная и беспристрастная оценка нашего одряхлевшего и ветхого состояния, а это, в свою очередь, поможет отвернуться от собственной соблазнительной личины искаженного бытия, отраженного в кривом зеркале.

Эта верная оценка нашего состояния относится, в том числе, и к такому многозначному понятию, каким является государственная власть. Почему нами управляют примитивные люди, лишенные чести и совести, не останавливающиеся перед любым преступлением? Отчего «правители» обманывают и унижают граждан, а люди не только не восстают против порока, но и сами желают войти в число властей предержащих или их всячески поддерживают? По какой причине сама политическая власть уже имеет только внешний вид благочестия, но отвергает его силу?

Мы попытаемся рассмотреть эти вопросы, а также исследовать смысл власти государства над человеком и человека над человеком. Мы представляем себе непосильность этой задачи, окончательно разрешить ее вряд ли в человеческих силах. Но всегда остается возможность в некоторой степени прояснить этот сложный предмет, несмотря на условность и относительность нашего земного пребывания, ибо «я человек грешный и неразумный и многой грубостью наделенный»[2]

азмъ есмь чл҃къ грѣшный и неразумныи, и многою грꙋбостию содрь-
(жимъ есмь

Человеку, ищущему не вещественной выгоды и чувственных удовольствий, а совершенства и истинного знания, очень сложно существовать в этом враждебном мире. Поэтому единственный и подлинный путь – это внутренний уход от навязываемых политических «услуг», понимание их никчемности и сиюминутности. При этом надо осознавать, что уход в чистые области мышления и идеального бытия не делает такого «понимающего» человека только и исключительно созерцателем. Достижение возможного для человека уровня истинно сущего приводит к обнаружению идеального бытия в наличном существовании. Только в этом случае кривое и треснутое зеркало восприятия действительности очищается, выравнивается и становится способным правильно отражать вещи.

[2] Перевод наш. – А. Щ.

[3] Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. М., 1976. С. 105.

Заинтересованному читателю

Предлагаемый на суд уважаемых читателей труд имеет несколько претенциозное название «Метафизика власти». Такое наименование в первую очередь подразумевает некий мистический, сверхфизический смысл исследуемого понятия, хотя речь здесь идет не только о метафизике. Так как предложенный *метафизический* способ исследования природы власти порождает двусмысленность и видимое противоречие, то возникает необходимость краткого изложения основных целей этого труда.

Во-первых, это нужно сделать, чтобы сразу отделить в изучаемом вопросе психологический аспект от логического, что поможет нам рассмотреть такой чрезвычайно сложный феномен, как *власть,* с исключительно «холодным вниманьем» рассудка[4]. Во-вторых, это необходимо по той причине, что представленный взгляд на государственную власть может вызвать возмущение и неприятие у людей с противоположными воззрениями. Поэтому краткое изложение моей *точки отсчета* в самом начале позволит несогласным людям сразу закрыть эту книгу и не утруждать себя дальнейшим чтением.

Я не скрою, что отвлеченные идеи о демократии как «лучшей форме власти», о «братстве народов» и некоем абстрактном благе для всех и каждого мне совершенно чужды. Более того, я считаю их чрезвычайно вредными и губительными для человеческого общества, в том случае, если их пытаются механически воплотить в жизнь людей. Впрочем, о пагубности этих представлений свидетельствует вся история бытования подобный учений. Я считаю, что каждый народ должен думать, прежде всего, о своих собственных интересах и об интересах своих союзников, а не об абстрактной идее всеобщего блага.

Всемирное братство народов и племен вряд ли наступит в скором времени. И достижимо ли оно вообще, кроме получения обезличенного человеческого муравейника? Поэтому подменять смысл *власти* ее формой, сводить систему управления людьми исключительно к механическому процессу выбора непонятных лиц и различных социальных трутней, является, на наш взгляд, простой манипуляцией, социальным мошенничеством. Поэтому меня мало трогают и интересуют отвлеченные рассуждения на этот счет.

Если систему взаимоотношений в человеческом обществе представить как магазин модной одежды, с *идеологическими* одеяниями на любой вкус, где платье можно выбирать в соответствие с сиюминутной модой, то это может дорого обойтись тому народу, который выбирает себе власть по заказу. Образцом может служить история политических учений. Например, в устах любителей социального прогресса конституция (или *пакт политических прав)* приобретает почти абсолютные атрибуты. При этом совершенно забывается, что любые государственные законы – это воплощение субъективной, а следовательно, условной мысли.

Часто история создания текстов самих «конституций» выглядит как анекдот. Наглядным примером может служить французская демократическая конституция 1793 года, которая была написана Эро де Сешелем в кафе, за один раз[5]. Жан Жак Руссо также старался «конституционно» облагодетельствовать поляков и корсиканцев. Даже в самом современном «сияющем граде на холме» – США знаменитую конституцию сочиняли, сообразуясь не с законами штатов и обычаями собственной страны, а опираясь на Esprit des lois[6] Монтескье.

Поэтому взгляд из модного (идеологического) бутика, одевающего в модные мировоззренческие одежды государственную власть, нас совершенно не устраивает. Политические

---

[4] Лермонтов М. Ю. И скучно и грустно // Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова. СПб. В2 т. СПб., 1907. Т.1.С. 79.

[5] Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991. С. 175. Примечательна судьба самого де Сешеля, он был обвинен Национальным конвентом в измене и обезглавлен.

[6] «О духе законов» (фр.).

идеи и учреждения не могут сообразовываться с относительным человеческим мнением, а должны соответствовать нравам той или иной страны. Насильственно утверждаемая демократия на английский лад в любой мусульманской стране является такой же очевидной нелепостью, как когда утонченный английский лорд во фраке и цилиндре вдруг, всерьез, обряжается в хохляцкие шаровары и говорит на «мове» или «гваре». Также и копирование английского и американского парламентов в России еще более абсурдно, так как объединяет в одном месте ограниченных, самодовольных невежд и беспринципных темных личностей с психологией преступников. Глядя на них, нормальному человеку становится не по себе.

Поэтому сведение смысла *власти* к простому и примитивному юридизму предоставляется мне весьма вредной затеей. Английскую конституцию никто не сочинял, она выросла из собственных начал. Как сказал один из русских дипломатов XIX века, если бы в Великобритании захотели создать конституцию, то не создали бы никакой. Но при этом основания англосаксонской «демократии» навязываются как единственно верные для всех народов. Наша задача – не бесплодные рассуждения о форме власти, она может быть любой в определенный исторический период. Все эти разговоры – путь к непрекращающейся интеллектуальной стагнации. Интересен и практически полезен сам смысл понятия *власть,* а не ее формы или институты. Отсюда нет доверия любым отвлеченным словам, важным для нас являются сами действия и смысл власти.

Только в этом случае понимание идеальных (метафизических) начал власти поможет выйти за пределы замкнутого, формального, юридического круга, когда, с одной стороны, *власть,* независимо от своей формы, приобретает самодовлеющие, абсолютные черты и в силу этого не чувствует никакой ответственности перед людьми (народом). С другой стороны, народ, при следовании формальным юридическим положениям, не в состоянии нести ответственности за свой выбор. Такой народ вручает свою собственную судьбу никому не известным людям, часто не способным к управлению и не понимающим основных принципов *власти.*

Подчас во главе народа могут встать закоренелые преступники, с помощью ловкой пропаганды убеждающие подданных, что будущее только в их надежных и цепких руках. Причем один циничный и беспринципный правитель с легкостью сменяется другим, но при этом в системе власти и ее отношении к людям ничего не меняется. Выход из создавшегося положения видится в просвещении всего общества, когда из массы индивидуумов-потребителей так же массово начнут появляться мыслящие личности. Не смена идеологии ведет к благоденствию, а осознание реальной ответственности за свое будущее и правильное понимание настоящего. Не блуждание в лабиринтах различных идеологий, не игра в идеальные смыслы, а их действенное воплощение в человеческой жизни является выходом на подлинный путь развития.

Учитывая все приведенные обстоятельства, наша задача значительно усложняется. Когда мы говорим об истинности абсолютных положений, то доказательства здесь бессильны, так как их начала превышают пределы физического мира. В то же время мы должны каким-то образом исследовать, как эти идеальные основы проявляются в политической и социальной жизни. Другими словами, надо разделять изучаемую сущность, наше понятие о ней и именующие ее символы. Мы исходим из того, что одним и тем же символом могут обозначаться совершенно разные предметы, или, напротив, два различных значения могут указывать на один и тот же предмет, но имеют различный смысл.

В изучении понятия *власть* часто смешиваются объективное и субъективное. Кроме того, оно рассматривается в изолированном контексте, когда утрачивается необходимое различие между понятием и предметом. Преодоление этих противоречий позволит представить феномен *власти* не только с юридической (формальной) стороны, но и приблизиться к ее скрытым, метафизическим основам. Другими словами, изучению подлежит не только само явление, но причины его появления. Прежде чем понять феномен *власти,* надо в общих чертах представить, каким образом воспринимается политическая власть или, вообще, *власть* в обыденном

сознании. Поэтому настоящая работа не задается целями только изобличения или, наоборот, апологии власти: задача ее заключается в выяснении самого смысла и сущности этого сложного и таинственного явления. Нашей целью также не является подробное рассмотрение различных политических теорий, обращение к ним предполагает смысловые акценты к заявленной теме исследования.

Тайна власти

На протяжении всей человеческой истории государственная – власть была чем-то наводящим ужас, непостижимым, далеким от людей демоническим началом. Чем меньше о ней знали и понимали, тем беспомощнее и униженнее чувствовали себя по отношению к ней. Однако всегда существовало смутное сознание того, что человеческий дух вполне способен заключать с ней союз и направлять ее демонические и иррациональные силы.

Со стороны же самой государственной власти это желание и способность человеческого духа разобраться в ее основах часто считалась чем-то нечистым, дьявольским и, безусловно, вредным и опасным для ее существования. Поэтому желание познать природу власти поможет сократить расстояние между немногими, узурпировавшими власть, над остальным большинством людей. Но это достижимо только в том случае, когда появится сама возможность проникнуть в ее загадочные основы, подслушав и уловив ее тайны, и только тогда возникает вероятность подчинить ее деятельность интересам большинства.

Тем самым, представляется совершенно очевидным, что для того, чтобы выйти из узких, формальных отношений, устанавливаемых государственной властью над человеческой жизнью и свободой, надо вырваться на простор ничем не ограниченной возможности анализа этого понятия. Только тогда скованная доселе духовная сила сможет, наконец, пробиться наружу, освободить человека от уз тупого подчинения и позволить ему действовать среди самих великих сил мировой жизни. Именно благодаря такому отношению к *власти* и пониманию ее основ можно принудить скрытую стихию политической власти подчиниться устремлениям человека и не позволять ей безраздельно властвовать над собой.

Для современного общества природа *власти* как таковой является закрытой книгой, запечатленной семью печатями умолчания. И дело здесь заключено не в недостатке различных научных исследований, посвященных государственной власти, не в изучении философии права и управления, не в наличии всевозможных общественных и политических систем, появляющихся с завидным постоянством. Все вышеперечисленное предстает лишь как отдельные, часто не связанные между собой признаки той тайны, каковой является *власть,* сущность которой, несмотря на бесчисленность выдвигаемых гипотез, упорно ускользает от исследователей. Власть представляет собой именно тайну, и порой кажется, что современной науке с ее определениями и доказательствами невозможно уловить суть живой природы *власти.* Впрочем, эта ограниченность науки относится и ко многим другим изучаемым ею явлениям.

Существуют тайны, которые включают в себя как положительное, так и отрицательное содержание. К сожалению, внешняя таинственность этих явлений часто проявляется через простые суеверия и примитивное, житейское мнение. Общество, как правило, не осознает те подлинные и настоящие идеи, которые подлежат выражению. Важны не призрачные грезы, неясные фантазии и соблазнительные политические мифы, а обнаружение идей в виде четких образов сознания и мышления. Постигнутая (поятая) истина облекается в кровь и плоть бытия, при этом ее основания не перестают быть священной тайной. Наличная жизнь, содержащая в себе силу истины, должна быть познана, но при этом в ней должно быть место для тайны. Постижение истины не может ограничиваться холодной рассудочностью, сбором и систематизацией знаний, такая истина моментально исчезает и уходит в небытие, забывается, от нее остается лишь набор бессмысленных и не связанных между собой элементов. Поиски истины должны охватить существо всего человека, овладевая не только его разумом, но и проникая в его волю и сердце.

Осмысленная, заключенная в границы разума тайна никоим образом не умаляется, наоборот, она становится ясной и доступной уму, который, осознав тайну бытия, видит в ней свои собственные пределы понимания. Напротив, потаенные начала бытия, высказанные без

всякого осмысления, превращаются в пустую банальность и бессмысленность. Эти высказывания профанируются, становятся затертыми и неинтересными или, хуже того, могут получить ложное направление и смысл. Опасность подобного мировосприятия заключена в неясном осознании положительных и отрицательных начал, когда осознанное бытие погружено в поток не осмысленных, сумеречных истин.

Материалистическая наука с ее пустым рационализмом и тщетными попытками достигнуть конечного объективного знания оказывается совершенно бессильной, когда дело доходит до смысловых представлений. Обычным результатом такой интеллектуальной безысходности, когда кажущийся «всесильным» разум останавливается перед таинственной границей, становится презрение, ненависть, а подчас и бессмысленная борьба с тем, что превышает возможности и способности такой науки. Разум, пытающийся анализировать и описывать то, что «не видится глазом», подступает к своему пределу. Поэтому сокрытое и непознаваемое нельзя рассматривать через механический набор фактов, так как таинственное не усматривается непосредственно и «понятно».

Результатом бесконечных попыток вещественного и количественного разума стать абсолютным началом и мерилом всего, вместо ожидаемой ясности и всецелого понимания, является его погружение во мрак собственного, замкнутого бытия. Такой разум впадает в противоречия, из которых у него нет выхода. Это происходит еще и потому, что основные положения, производимые разумом, бесконечно удаляются за пределы всякого опыта, и в силу этого опровергаются уже сами выдуманные и установленные критерии опыта. Подобный образ мышления – это духовная и интеллектуальная болезнь, аберрация рациональной мысли.

Именно поэтому истинный смысл понятия *власть* ускользает от ложного мерила квазинаучности. Здесь важно отметить, что приведенные слова направлены не против науки, а против ее догматизации, когда наука превращается в некое подобие религии, пытающейся дать окончательный ответ на все основные вопросы бытия, что и представляет серьезную интеллектуальную опасность. Только применение sensus и ratio[7] в познании недостаточны для достижения высшего знания. Все познание, которое могут предложить опыт и разум, ограничивается природным миром, что с необходимостью устанавливает потребность в более высокой деятельности познания.

Чувственный опыт дает условное понимание только единичных вещей, а присущая разуму основная деятельность различения сводится лишь к тому, что она ясно устанавливает противоположность этих единичных вещей в виде понятий. Таким образом, механистическое представление не выступает за пределы физического сущего. Чем больше сознание направлено на природное сущее, тем меньше его возможность мыслить в пределах собственного изменчивого существа. Человек, утверждающий себя на обыденной, внешней поверхности бытия, не способен выступить за пределы сущего, увидеть его объем.

Поэтому вместо «вечных» научных истин, обладающих условным знанием даже в области физических явлений, необходимо использовать совершенно иной аналитический метод. Выбранный нами способ позволяет подойти к природе *власти* через особого рода откровение, через метафизику, понимаемую в христианском смысле. Тем самым метафизика (τά μετά τά φυσικά – «то, что после физики») в данном случае подвергается рассмотрению как концепция об основах всего бытия, идеально неизменных началах, недостижимых только с помощью чувственного опыта. Кроме того, наша задача заключена в попытке исследования начал, лежащих за пределами физического восприятия, но определяющих основание любой *власти*. И здесь сразу же возникают веч*н*ые метафизические вопросы. Что является основной причиной власти? Откуда берется ее исток? В чем заключены ее начала? И что препятствует тому, чтобы сделать эти начала видимыми и понятными? На эти вопросы мы и попытаемся ответить.

[7] Чувства и разума.

Помимо всего прочего, очевидная трудность понимания происхождения и существования государственной власти заключена в том, что русский читатель, из-за скудости современной философско-политической литературы, по-прежнему пребывающей в границах исторического материализма, с трудом может найти иное видение проблемы, кроме сугубо механистического или, в лучшем случае, юридического взгляда на проблемы власти. Метафизические основы власти и вовсе обойдены вниманием и до настоящего времени совершенно не определены на твердых началах.

Поэтому наша цель – познать то истинно сущее, что составляет безусловную основу власти, начало ее бытия, ее силы и возможности.

Это сущее само по себе, для себя и через себя. Без осознания абсолютного бытия власти невозможно до конца понять, как она существует в действительности, что в ней является условным, а что безусловным. Другими словами, из потока явлений вычленить вечное и пребывающее и объяснить рассматриваемое нами явление власть, исходя из единой и первоначальной его сущности. Кроме того, наша задача – найти те безусловно позитивные, положительные основания власти и то бесспорно идеальное содержание, которое можно найти в конкретных действиях власти. И здесь возникает вечное затруднение (ἀπορία): каким образом духовная сущность претворяется в материальное, а вещественное в духовное?

В этой связи необходимо сказать несколько слов о том, почему был выбран способ, когда феномен *власти* рассматривается с христианской точки зрения. Здесь я постараюсь по возможности избежать различного рода образных и мало кому уже понятных «богословских терминов» и постараюсь изложить свою позицию на «суконном» языке философии. Кроме того, данная работа не предполагает исследование всей сложности и многообразия христианских представлений о власти.

Попытаемся рассмотреть проблему *власти* через ее идею, а непосредственный способ достижения этой цели будет осуществляться через приближение к возможному пределу понимания этой проблемы. То есть последовательность известных величин, возрастающая по определенному закону, может быть продолжена в бесконечность и может как угодно близко подходить к определенному пределу, тем не менее никогда его не достигая. Именно интерпретация идеи *власти* как бесконечного предела и составляет философско-логическую сторону нашего исследования. Из всего многообразия христианского богословия, посвященного проблеме *власти*, мы обратимся, в первую очередь, к сугубо отвлеченным положениям, определяемым как взаимодействие относительного и абсолютного, которые и помогут нам разобраться в устройстве и сущности власти.

Абсолютные и относительные начала власти

Употребив термин *абсолютное* по отношению к природе власти, нам необходимо найти саму *абсолютную* отправную точку, или начало (αρχή), раскрывающуюся в пространственном и временном значениях. Осмысление этого основоположения (principium) позволит установить и понять первоначальные, правильные, исходные доказательства и утверждения, касающиеся сущности любой *власти.* Исток чего-либо всегда есть происхождение его сущности. В таком случае, метафизический исток здесь обозначает, откуда появилась *власть* и посредством чего она стала тем, чем она является, и стала именно такой, какова она. *Власть* в своих основах есть нечто, поиск смысла которого и поможет раскрыть ее сущность.

Отсюда возникает необходимость найти основной сущностный принцип или, как обозначали его средневековые схоласты, principium reale. При этом надо понимать, что всякое начало само по себе представляет собой что-то, не существующее в действительности, но из которого возникают все реальные явления, как из некоей основы. Другими словами, начало – это не только обозначение качеств или свойств, состояний и действий вещей. Начало и есть то, что производит все многообразие качеств, рассматриваемых сами по себе, без вещей.

В этом случае, когда употребляется термин *начало,* то совершенно не имеется в виду, что качества и свойства вещей (в нашем случае, как мы помним, речь идет о понятии *власть)* существуют где-нибудь в определенном пространстве или в определенный момент времени, а, наоборот, они мыслятся без вещей, а потому и без определенного пространства и времени. Для простоты понимания примером подобных отвлеченных наименований могут служить такие термины, как «форма», «объем», «тяжесть», «цвет», «твердость», «вес», «гуманность». Эти отвлеченные (идеальные) свойства существуют, несмотря на отсутствие или наличие самих вещей. В ином случае, если эти качества присутствуют только в нашем сознании, то они никоим образом не могут быть связаны с реальностью. Начало – это собирательное представление. При этом сущность абсолютного истока невозможно выводить из более общих понятий, ибо это выведение абсолютной сущности уже заранее включает в поле зрения такие определения, которые должны быть достаточными для того, чтобы все то, что заранее считается абсолютными началами, можно было бы представить в качестве таковых. А попытка выбрать абсолютные основы из всего наличествующего в равной степени немыслима и неприменима, поступая же так, занимаются самообманом.

Более того, эти абстрактные формы не существуют сами по себе, они проистекают из некоего начала, устанавливающего их связь между собой и теми явлениями, через которые они представляются. Отсюда, вслед за Платоном, можно назвать это первое основание «беспредпосылочным началом»[8]. Только в этом случае сам процесс познания идеальной и абсолютной сущности власти наполняется подлинным гносеологическим принципом (principium cognoscendi), внутри которого возникает относительное тождество бытия и познания. Но, странным образом, различные исследователи принципов *власти,* признающие эти положения, часто не в состоянии надлежащим образом осознать все последствия таких утверждений. И они, по большей части, остаются у них без осмысления и применения в реальности.

Так как мы берем за основу христианское представление о *начале,* то, в нашем случае, оно выступает и обозначается как Первооснова мира, раскрывающая Высшую и Идеальную реальность в становящемся пространстве. С точки зрения христианского богословия, Первоначало всего сущего есть непреходящее и постоянное, открывающееся как единственное, неделимое, всеобщее и безначальное. Оно представляется безграничным, независимым от вещественных

[8] Платон. Государство 510b5 // Respublica, ed. J. Burnet, Platonis opera, vol. 4. Oxford: ClarendonPress, 1902(repr. 1968): St II.327a-621d.

обстоятельств, от любой феноменальной случайности. Это Начало существует и приложимо ко всякому наличному бытию, но оно не обусловлено и не связано никакими причинами. При этом Высшая Сущность, «Творец видимых и невидимых», не отстоит от всякого относительного и обусловленного бытия. Более того, после воплощения Христа дистанция между Богом, человеком и миром становится бесконечно малой. Персонификация Абсолюта, воплощающего безначальность, вечность и бесконечность, позволяет обнаружить в постоянно меняющемся, втянутом в непрекращающуюся борьбу противоположностей бытии его подлинные и идеальные основы.

В христианском богословии апория (ἀπορία)[9] между вечным и условным разрешается через введение понятия Божественного Слова или, выражаясь философским языком, абсолютного Логоса. Логос не является высшим посредником между Абсолютом и феноменальным бытием, некоторым абсолютным раскрытием Единого «вовне» (ad extra, ἑκστάσις). Логос не первое сущее, Он – сам Абсолют, открывающий Себя в мире через Слово, и Слово, в свою очередь, определяет данное бытие. Логос – абсолютный Образ, в нем, как в образе, присутствует все то, что принадлежит всему Абсолюту. Абсолют имел в себе Слово, когда даже не было и не могло быть никакого бытия. Внутреннее, до поры сокрытое Слово проявилось в отношении к миру. Бытие Слова – вечная направленность Абсолюта «вовне», из глубин абсолютной непознаваемости и недоступности. Логос не является качеством Абсолюта, как мыслимая разумная сила. Абсолютное Слово рассматривается как свойство Абсолютной Природы.

Наличие Абсолюта в бытии придает самому бытию нескончаемость существования. Абсолютные постоянство и вечность пребывают в бытии не как нечто чуждое, отдельное от него, а как силы, самостоятельно действующие в мире. Силы, исходящие от Логоса, обладают абсолютной властью и не менее абсолютной возможностью управлять, оказывать безусловное воздействие. Именно через Логос Абсолют очерчивает и определяет для бытия свои собственные очертания. Другими словами, Слово придает смыслы всем вещам, и в этом значении вещи становятся причастными идеальным, абсолютным и постоянным основам. Само бытие появляется в результате силы воздействия, создающего общее напряжение, пронизывающее все пространство, наполняя его смыслами. Логос – это совершенная, присущая самой себе сила (vis insita), а бытие – приложение этой силы (vis impressa). *Власть* выступает как упорядочивающая и гармонизирующая смысловая составляющая между присущими и приложенными силами. В этом случае, *власть* – это структура пространства, его строение в иерархическом, созвучном смысле – от высшего к низшему. Именно таким образом строится взаимодействие всех универсальных элементов.

Любое явление и обнаружение бытия совершается через Логос, а не через само бытие, которое содержит в себе причастную, а не сущностную вечность. Поскольку Логос определяет всякую вещь, любое сущее получает свое бытие в том, что оно *есть,* находится в наличии. Бытие не самостоятельно (αὐτονομία), появившись из прежде *не-су-щего* с помощью Логоса, оно полностью находится в его власти. В этом и заключается безусловность абсолютного творчества и наличие в бытии идеальных начал. Логос создает по идеальному плану, заключенному в нем, всю видимую гармонию бытия. Но Абсолютное Слово творит не как *создающее* в том смысле, когда *творящее* выступает как высшее начало и источник природного мира. Логос не создает бытие из собственной Сущности. Действительное и наличное бытие предстает не как самостоятельное, а как действующее, *про-из-веденное* в реальность из *небытия.* Но само *небытие* является несуществующим только по отношению к физическому *бытию.* При этом само *произведенное* не является природой и сущностью Логоса.

Абсолютное Слово вечно управляет бытием и содержит его во всех видимых и невидимых проявлениях, каждую вещь в отдельности и все в совокупности, но при этом содержит, не

[9] Трудность, затруднение, недоумение.

нарушая заданной свободы бытия. Слово скрепляет и гармонизирует возникающие противоречия. Слово дает определение бытию, как в целом, так и в малейших бытийственных частях. Слово делает мир осмысленным, в нем присутствуют не только основы разложения, но и идеальные начала. Поэтому Логос выступает как формирующее начало любого вида бытия. Логос из первоначально возникшей *прасущности* (ούσία) как из бесформенной и неопределенной сущности создает все многообразие бытия и придает ему вид (είδος)[10] или форму.

Все виды вещей и индивидуумы образованы по определенному *логосу,* начальной, основной идее, представляющей собой Абсолютные мысль, волю, силу и власть. Сама власть, как иерархия любых бытийственных начал, выступает всеобщей, идеальной смысловой связью между вещами. Нарушение идеальных смысловых направлений установленной иерархии ведет к искажению самих основ *бытийственной* власти. Появляется новая, искаженная и фантомная структура бытия, определяемая уже не идеальными началами, а самой сущностью становящегося бытия, состоящей из изменений, вражды начал и конечности вещей. Таким образом, появляется сущностный властный деспотизм физического мира, когда неустойчивое и не самодостаточное ставится на место безусловного.

Абсолют трансцендентен вещественному пространству, но в то же время неразрывно взаимосвязан (religare) с созданным Им сущим. В результате акта творения появляются два бытийственных уровня, один из которых содержит неизменные, абсолютные начала, а другой является причастным по отношению к первому. Существование второго бытийственного уровня возможно только при наличии в сущем идеальных оснований, иерархически находящихся в нем. Уровень раскрытия идеальных принципов в феноменальном сущем и составляет степень постоянства и устойчивости мира феноменов. Чем больше сущее открывает в себе абсолютные начала, тем оно становится совершеннее, несмотря на бытийственное различие мира становления и мира идеальных основ. Это становится возможным, потому что в явленном Универсуме в целом и во всех частях присутствует творческая, не имеющая завершения сила – Логос, создающая бесконечность и безграничность присутствия в мире Абсолюта.

Эта сила – одновременно и идеальная возможность для бытия любого созданного феномена, и в то же время ограничение его пределов, через которые установленная сущность явлений не может перейти. Созданное в этом смысле не может стать Абсолютом, приобрести Его природу, получить Его неограниченную власть, совершать любые действия по своему произволу. Бытие будет всегда локализовано данной и предназначенной ему сущностью. И в этом заключена ограниченность созданного универсума, но, парадоксальным образом, наличие идеальных оснований делает сущее свободным от замкнутости на себя. Если же теряется связь с Абсолютом, то исчезает возможность видеть идеальные начала в бытии. Сущее остается в границах своего конечного и условного существования. Утверждая себя в своей исключительности и единственности бытия, вещь растворяется в небытии, так как главный принцип мира становления – это изменение и конечность.

Истинное бытие мир феноменов может получить только в своем волевом стремлении и движении от распада к абсолютной полноте. В этом случае Логос выступает как равенство между предметами, а также отношением между именами и знаками самих предметов[11].

---

[10] Термин είδος, помимо своего наиболее распространенного значения в философии Платона, обозначающего «идею», применительно к нашей работе имеет еще значение «форма правления, государственный строй», что чрезвычайно важно для нашего исследования.

[11] То есть в феноменальном сущем положения a = a и a = b имеют, очевидно, различную познавательную и реальную ценность. Положение a = a значимо a priori и, согласно Канту, должно называться аналитическим, когда положения, имеющие форму a = b, значительно расширяют понимание и не всегда могут быть обоснованы a priori. В Логосе положения a=a и a=b составляют сущностное равенство, переносимое в основу бытия феноменов. В этом равенстве существует отношение между тем, что собой означают и представляют «a» и «b», отсюда положения a = b и a = a уже не могут быть различными, то есть a=a и a=b истинны и связаны друг с другом неким идеальным началом. Именно в этом выражается отношение вещи к самой себе. То есть это такое отношение, в котором каждая вещь относится к самой себе, а не к какой-то другой вещи, но в то же

Поэтому созданное бытие не может разложиться в хаосе, стать окончательным небытием, но и не может выйти из своей сущностной данности. Сущность природ абсолютного и относительного остается неизменной, меняется лишь направление действия и взаимодействия природ. Реальность существует на стыке различных сущностных природ, взаимодействующих между собой. Абсолют не растворяется в веществе, а материя не становится Абсолютом. Абсолют проникает во все сущее, по своей собственной природе оставаясь вне бытия. Действия вне природы Логоса не умножают Абсолют до бесконечности, а свидетельствуют об абсолютном движении, результатом чего и является само бытие.

Логос – первое движение в мире и движение самого мира. Это движение порождает все многообразие созданной природы. Логос движением разрывает покровы небытия, раскрывает всю Вселенную из *ничего,* до того не бывшего, в пространственно-материальное многообразие. Каждый созданный феномен иерархически вмещает в себя могущество этого движения Абсолютной Силы, свидетельствуя самим своим существованием о пребывании абсолютных идей в относительном бытии. Согласно данной точки зрения, место идей – не в абсолютной Сущности, а в том, что следует после Сущности, в абсолютных действиях. При этом само действие творения Универсума, как и идея Абсолюта о бытии, не являются необходимой детерминацией природы Космоса.

Абсолютные идеи сущностно отделены от вещей, как воля творца отделена от произведения, в котором она проявляется. Все бытие призвано к свободному, а не законоположенному соединению с Абсолютом. Это соединение предполагает взаимодействие и свободную согласованность бытия через человеческое волевое усилие с волей Абсолюта. Но воля и желание всегда предполагают иерархию, подчиненность низших начал высшим. Именно иерархия степени мира становления и идеального мира и производит такое явление, как *власть.* Наличное состояние Космоса можно воспринимать как неустойчивое совершенство, в котором полнота соединения еще не была достигнута. Через человеческие усилия по восстановлению утраченной гармонии, исправлению искаженной иерархии начал сущее может преодолеть пределы тления и смерти и тем самым исполнить замысел Абсолюта о бытии.

И здесь стремление к высшему, к идеальной иерархии предполагает не только усилие, но и упорядоченность этого движения, так как цель и весь основной смысл бытия находится вне его пределов. Стремление в метафизическую область предполагает организованность этого движения. Собственно, сам процесс восхождения к высшему и идеальному и есть то, что составляет одну из основ *власти.* Мир как множественная ограниченная и становящаяся сущность всегда стремится к чему-то и постоянно находится в движении-изменении. Многочисленность и разнообразие мира явлений объективно предполагает движение, так как сама множественность по своей сущности предполагает различие *иного* и иного. Именно взаимодействие различных сущностей и полагает некий деятельный процесс перемещения, включающий в себя как внутренние изменения, так и внешнее воздействие одной вещи на другую. Различие феноменов, в свою очередь, без правильного направления движения предусматривает не тождественность частей видимого Универсума, а их непримиримую противоречивость. Согласованность этих противоречий в их отношении друг к другу и к направлению их к идеальным началам и составляет сущность *власти.*

В своей основе *власть* предполагает слаженное отношение относительного и изменчивого бытия к Абсолюту. Она упорядочивает скрытое, неведомое влечение и стремление созданного к Создателю. Движение Логоса, в свою очередь, означает высший уровень *власти,* порождающий гармонию во всем многообразии бытийственных существ. Именно властная иерархия бытия при всем различии абсолютных и относительных природ устанавливает между ними связь и определенное единство. *Власть,* как иерархия ценностей и сущностей, дает возмож-

---

время причастна неким метафизическим принципам.

ность бытию выйти из собственных непостоянных и изменчивых пределов и приобщиться к вечности. Для бытия определяющим моментом предстает его природа, его естество, заложенное при творении. Иерархия, созданная *властью,* позволяет феноменальному бытию стремиться к тому состоянию, которое дано было ему в начале его появления. Действие власти в метафизическом смысле ведет к упорядочиванию хаотической и противоречивой множественности явлений, чтобы вновь приобщить их к изначальному бытийственному созвучию. В этом случае *власть* – это гармония, созвучие, при котором бытие может достигнуть трансцендентного состояния, уйти от мертвенной, распадающейся составляющей своего существования, замкнутого на самом себе, и приобщиться к Высшему Началу.

Становление бытия нисколько не обуславливает самой необходимости его появления. Если творение предстает как независимое от желания Творца действие, то тогда творение по необходимости уже *со-вечно* абсолютной Сущности. Творение имеет корень своего существования только по *причастности* к идеям и действиям Абсолюта, но не к его Природе. Быть или не быть бытию определяет не само бытие, а Абсолютная Сила, которая и есть Высшая *власть.* Эта подлинная *власть* определяет сам *образ* бытия, без властной подчиненности бытие разложится в окончательное небытие. В этом случае *власть,* как инструмент по гармонизации противоположностей, является еще и формообразующим началом. Благодаря *властной* упорядоченности мир становления не брошен и забыт в бесконечном пространстве физической Вселенной, не предоставлен сам себе в своем ложном движении.

Устройство мира не несет в себе изначального несовершенства, поэтому для бытия всегда имеется возможность достигнуть идеального состояния. Абсолют призывает в свободном усилии измениться искаженному и несовершенному человеческому бытию. Только с помощью человека возможно соединить во взаимопроникновении и тождестве разделенные ноуменальную и материальную природы, объединить их вновь как *образ* в Логосе. Но эта цель может быть достигнута при некой сущностной организации человеческого образа, что вновь предполагает *власть* как инструмент, всегда подразумевающий принуждение человеческой природы, постоянно стремящейся к распаду, к идеальным началам. При этом стремление бытия к единственному и абсолютному Логосу не имеет в виду изменение первоначальных сущностных основ, заложенных в бытие. Созданные совершенными, вещи не меняют своей природы, они лишь приобретают искаженное смысловое направление. Благодаря данной свободе выбора, направленности действия феномены имеют искаженное состояние, но, исходя из той же данной им свободы, через преодоление и усилие они могут приобщиться к абсолютным и идеальным действиям. Внешняя форма применения силы, в этом случае, также есть *власть.*

Мир, благодаря Абсолютной Власти и Силе, существует нераздельно и не утрачивает в своих основах соединяющей идеальности. Как уже отмечалось, чем дальше отходит бытие от внутренней связи с абсолютным образцом, тем более оно теряет свою первоначальную устойчивость и превращается в вечную и неопределенную текучесть и изменчивость: «Все течет, и ничто не остается неизменным»[12] (Πάντα ρεῖ και οὐδέν μένει, Omnia fluunt, omnia mutantur)[13]. При этом Абсолютные начала не противопоставляются созданному ими феноменальному бытию. Само бытие не является нейтральной или, тем более, автономной сущностью, его стремление к абсолютным основаниям возникает из-за наличия в нем первоначальных идеальных форм.

При идеальных началах бытия вещь устанавливается, исходя из самой себя, она не нуждается ни в каком взаимодействии, происходящем от текущих и конечных вещественных признаков. Это явление вещи как собственного образа и есть сущностный смысл вещи. Существуя, вещь должна выражаться, что составляет *действенность* естества, субстанциально неотдели-

[12] Перевод наш.– А. Щ.

[13] Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker. ed. Walther Kranz. Berlin, 1951. DK B41.

мую от вещи. Действие вещи, ее энергия, сущностно неотделимо от вещи, но в то же время существует отдельно как выражение внутреннего смысла вещи. Это действенное выражение есть направленность ноуменального смысла вещи «вовне», по отношению к общему или частному множеству феноменального бытия. Выражение действия ведет к исключительности каждой отдельной вещи и ее действия вне себя. Другими словами, действие должно выражать сущность вещи, ее окончательное и истинное проявление. Выражение смысла вещи есть ноуменальная энергия сущности вещи. В своей основе вещь может существовать только как действие, смысловое определение. Проявление вещи зависит от двуединства самого бытия, имеющего ноуменальный и вещественный состав. Поэтому любая вещь может пребывать только в созвучии действия духовного начала, направляющего начало материальное.

Явление вещи предполагает, с одной стороны, ее принципиальную индивидуальность, единичность, а с другой – единичное нахождение во всеобъемлющей множественности других индивидуальностей. Существование вещи в собственной уникальности, окруженной целокупной множественностью, устанавливает бытие вещи как самостоятельное и независимое от других вещей. Вещь становится зависимой от своего выражения, от своих проявлений, устанавливающих связь со всем множеством бытия и единичных вещей, с которыми она взаимодействует. Кроме того, вещь в своем бытии отличается от себя самой, так как включает в себя внутреннюю (ноуменальную) сторону и сторону внешнюю (материальную).

Смысловое множество и различие действий «вовне», в вещественной реальности, вызывает неустранимые противоречия в том случае, если они не имеют связи друг с другом. Каким образом, например, могут сочетаться «правое» и «левое», «верх» и «низ» как проявленные и действующие сами по себе, автономные и потому полностью противоречивые сущности? Их связь возможна только при наличии господства созвучия, гармонии и иерархии в абсолютном и универсальном смысле. Господство подразумевает могущество, что, в свою очередь, создает возможность для управления, *власти.* Именно необходимость этой универсальной, космической упорядоченности и вызывает наличие такого явления, как идеальная *власть.*

Таким образом, всему предшествует Абсолютная Сила, заключающая в себе Абсолютную Власть, ограниченную только своей Волей. В нашем понимании – это Абсолютное Самодержавие по отношению ко всему сущему – Бог Слово, Логос. Он предстает как всеобщий закон, основа мира, его порядок и гармония, или, по словам Гераклита, «вечная и всеобщая необходимость», неизменная закономерность. Логос, как Абсолютная Власть, выражает постоянную основательность не только структуры бытия и наиболее существенных закономерностей мира, но и является их Началом и Основой.

Тем самым, в христианском понимании, Логос является не только Творцом всего сущего, но и *промыслителем о* всем мире. Логос, будучи всеобщим разумом и созидающей Божественной Силой, не является посредником между Богом и сотворенным миром, Он не тень, отброшенная от Бога. Логос предстает как нераздельное Божественное единство, единая Божественная Сущность, сочетающая в себе два божественных атрибута – благость (ἀγαθότης / δίναμις χαριστική) и власть (ἀρχή / συγκολαστική). Логос, как Божественный Абсолют, представляет из себя вечное и неизменное Начало, безначальное и бесконечное, тем самым он свободен от каких-либо ограничений. Если рассматривать *власть* и *силу* как атрибуты Логоса, то он сам есть безначальная Власть и Сила, и эти признаки по отношению к миру – его необходимые, существенные, неотъемлемые свойства.

Но в то же время Логос – это не бессодержательная отвлеченность, Он связь мира, имманентен ему, присущ миру в своих силах и в своем образе. Он раскрывается в мире, хотя и различен с ним по своему существу. Трансцендентность Логоса не делает его чуждым и противоположным миру. Поскольку Бог Слово, как полнота бытия, включает в себя всю реальность, то конечные существа могут через собственное внутреннее усилие, а если оно отсутствует, то и через внешнее властное принуждение, приобщаться к отдельным Его силам и определяться

ими как качествами. В этом и состоит властное всемогущество Абсолюта по отношению к миру явлений. Но само бытие, с одной стороны, не является эманацией Логоса, с другой стороны, не возникает из хаотической, неупорядоченной массы вещества. По отношению к миру Логос является универсальной субстанцией, от которой зависит все сущее. Он не только архетип всех вещей и сила, их создавшая, он еще и творец сил (δυνάμεις), благодаря которым созданные индивидуумы получают характерные признаки. Происходит явление вещей в том смысле, который им присущ и который отличает их от других вещей.

Эти силы и есть первый уровень созданного бытия. Это мир идеальных основ, которые, будучи различными по своему существу, предстают как абсолютный идеальный порядок и согласованность *иного* и иного. Данные силы проникают в мир вещества и образуют его. Именно они и есть посредник между Логосом и физическим Космосом. Идеальные силы есть действующее начало Логоса: они не только соотносят типы вещей с их идеей, но непосредственно производят и поддерживают их в природной реальности. Они наполняют мир, и в них содержатся все существа и все индивидуальные вещи, как, например, совершенно отвлеченное понятие *сила* наполняется гармонией существования физического мира.

В этом смысле «силы» – это то, что находится в веществе. Они могут при определенных условиях проявиться или, наоборот, не проявиться. Независимо от своих возможностей эти силы присутствуют в каждом вещественном предмете, не только определяя его смысл, но и устанавливая его предназначение. Энергия – это осуществление, завершенное действие, воплощение тех или иных сил в природных объектах. Но в постоянной «изменчивости» проявление возможностей совершается, исходя не из их первоначальной сущности, а по воле и власти того, кто и каким образом осуществляет эти возможности. Воля как *желание,* выбирающее из двух противоположных начал, может формировать в действительности совершенно разные, не всегда подлинные, явления, в этом случае *власть* как инструмент воплощения воли может олицетворять собой реализацию совершенно ложных фантомов и привести к деспотии и тирании.

В *умопостигаемом* мире нет противоположностей, сущностных противоречий, войны начал. Становится вполне понятным, почему символом *умопостигаемого* всегда является сфера. Форма круга, начинаясь из самой себя как точки, центра, в самой себе и завершается. Поэтому умопостигаемая сущность не возрастает и не убывает, она самодостаточна сама в себе. В то время как физическая реальность линейна, она либо растет, либо убывает. Природный объект возникает, произрастает, затем постепенно умаляется и исчезает. Изменяющийся объект не может одновременно двигаться и находиться в покое, расти и убывать. В этой «линейности» и заключен сам смысл изменения. «Линейность» предполагает иерархию, подчиненность низшего высшему, условного абсолютному. Если бытие направлено к идеальным и абсолютным началам, то оно из условного превращается в относительное, у него возрождается утерянная прежде сущностная связь с Единым Началом.

Единое не возрастает и не убывает, поэтому оно совершенно. Умопостигаемая сфера, кроме себя, не имеет пределов, в то время как природный мир и все предметы в нем ограничены пределами, которые постоянно изменяются. Эта область является началом бытия, его причиной и определением: «Это – всех Начало и всех сущетворная Причина и неизменное Основание нерушимого обиталища сущих, от которого бытие…»[14]

тон начало и вина сꙋщьствотрна быти. и сꙋ-
(щїихъ неразрѣшнааго прѣбытїа не измѣнинное съз(д)анїе

Внутри себя умопостигаемая, абсолютная сфера разделяется по своему смыслу на три составляющих: сущность, силу (возможность) и действие. «По сво-

[14] Перевод наш.– А. Щ.

[15] Сборник, конца XIV в., ГПБ, Соф., № 1262, Л. 51 г.

ему сверхмирному смыслу разделяется на три: сущность, силу и действие»[16]

но понеже вь три раздѣлишѧсѧ еже ѡ тѣхъ прѣмирьнымь

(словомь въси <...> соущьство и силꙋ и дѣиство

Благодаря этому по отношению к явленному бытию умопостигаемая сфера определяет его сущность, силы и возможности, а также действия. Но эта связь возможна только в том случае, когда низлежащее бытие принимает власть над собой абсолютных оснований.

Соответственно, подлинная сила власти может происходить только из этой умозрительной области: «поскольку силами называются они все, исходя из сущности»[18]

(ѿ коегождо ихъ соущьства или силы

(ни бѡ на(д)лежимо соущьство...

Если отсутствует взаимная связь (religare) между разными уровнями бытия, то вещественное бытие со свойственной его природе изменчивостью и конечностью начинает привносить и вкладывать в свои действия и силы то бытийственное непостоянство, вечное становление, которое и является его основанием: «Это чувственное древние называют не сущим, потому что оно причастно всяческому изменению и не всегда существует в одном и том же виде. Умное же, как вечносущее и, по желанию Сотворившего его, бессмертное, в своей сущности непреложное, они называют сущим»)[20]

Чювъствънаа бо сїа наричѧт(и) древнїи не сꙋща, за еже пр

ѣложенїа въсѧкого прилѣствоꙋѧщаа. и не також(д)е присосꙋща. оумнаа

же ꙗко присносꙋщаа бесъмртаа хотѣнїемъ сътворьшаго ѧ и сꙋщьства

(не прѣлагаѧщаа, гл҃ѧть сꙋщаа

Идеальные силы выступают на своем бытийственном уровне как чистые божественные энергии, действия, при этом не имеющие по отношению к самому Логосу никакой самостоятельности и автономной особенности. Сама по себе идеальная степень бытия сущностно неотделима от вещества. Силы, исходящие из нее, действуют в материи и наполняют ее чистыми смыслами. Вещество и смыслы, заключенные в нем, являются сущностно произведенными началами, сохраняющими тождественность при различии природ. Универсальное бытие с его идеальными (κόσμος νοητός) и материальными (κόσμος αἰσθητός) уровнями есть творение Бога в собственном смысле слова, но внутри бытия происходит процесс смыслового мирообразования. Отсюда, *власть* во вселенском бытии – это, с одной стороны, идеальный (смысловой) порядок, являющийся отражением высшего абсолютного порядка, с другой – установление закономерностей в мире. То, что появлялось из небытия, нуждается в оформлении и гармонизации действий идеальных смыслов и вещества.

Идеальные смыслы сами по себе могут проявляться только в веществе, которое не является изначально несовершенством (злом, κᾰκός), это только средство для их существования, среда (μέσον), вовлекающая дух в оковы постоянно становящейся чувственности. Искажение первоначального идеального порядка происходит именно в смысловой, духовной сфере. Стройное созвучие бытия из первоначального единства приобретает хаотическую множествен-

---

[16] Перевод наш.– А. Щ.

[17] Там же. Л. 45а.

[18] Перевод наш.– А. Щ.

[19] Там же. Л. 45а-45б.

[20] Перевод наш.– А. Щ.

[21] Дионисий Ареопагит. Таинственное богословие // Древнерусские ареопагитики. М.,2002.С.204.

ность. Действия, силы, присущие вещам, становятся противоречивыми и разнонаправленными, они теряют свою подлинную чистоту и упорядоченность, а вместе с ними теряется и подлинная власть над веществом. В конечном итоге, идеальные основания вещей попадают под власть хаоса и становятся теснимы физическим, природным телом. Гармония превращается в хаос, смыслы становятся страстями и попадают под влияние чувственности, но при этом все же сохраняют влечение к высшему.

Смысловой Логос, присущий вещам, становится делимым (λόγος τομεύς), что вызывает у разных объектов рознь и борьбу друг с другом. Поэтому власть в эмпирическом мире заключается в согласовании враждебных начал. Возникает дилемма: смыслы без вещества скрыты и не могут получить реализацию, а вещество с искаженным смысловым наполнением становится источником всех зол, темницей, в которой томится дух. Смыслы и вещество попадают под влияние времени, а следовательно, и конечности, телесный характер чувственности ограничивает познание и проявление подлинных смысловых значений. Смыслы и вещество, находясь в искаженной среде, сами по себе не могут гармонизировать свои действия. И здесь посредником для восстановления утраченного созвучия является человек, использующий власть, могущество и силу как средство для достижения этой цели.

Человек в силу своей природы, которая является идеальным сочетанием духовной и телесной сущностей, должен соединить разорванную связь между *нетварными* и *тварными* началами. Человек является связующим, сущностным мостом между умопостигаемым и чувственным сущностными уровнями. Начиная с собственного бытийственного разделения на мужское и женское начала, и затем далее, в процессе своей истории, человек, проходя через различные духовные и телесные противоположности, призван объединить в себе идеальные смыслы с созданным бытием и через себя соединить все с Абсолютным Логосом.

Соединение неба и земли есть связь видимого и невидимого, сверхъестественного и естественного в пространстве реальности. Ф. Ницше совершенно верно считал, что «человек – это мост, а не цель»[22]. Само латинское слово «понтифик» обозначает «того, кто наводит мосты»[23]. Следовательно, человек является и физической величиной, и в то же время чем-то иным. То есть он живет в двух временных пространствах, из которых самыми значимыми являются именно идеальное пространство и время, а не только преходящее и вечно изменяющееся физическое время и пространство. Поэтому, если абсолютная и идеальная истина не понимается как алетейя (ἀλήθεια), как божественная правда и истина, как освобождение от материальных оболочек, то сама истина перестает быть идеальной, а остается лишь выражением грубой и мертвой физической реальности, с ее жестокими механическими законами.

Поэтому сущностное примирение противоположностей является смыслом человеческого существования, к которому человек был призван от момента своего появления. Объединяя разумное, духовное начало и неразумное, искаженное вещество, человек своими правильными и умными действиями способен видоизменить несовершенное земное бытие и соединить «небо и землю». Тем самым, в человеческих силах избавить материю от присущего ей темного, косного, неустойчивого состояния и восстановить связь чувственного мира с идеальным, смысловым устройством материи. Мир людей и мир окружающей природы не содержит абсолютную причинность как собственный признак. Он творение Силы, пришедшей извне, поэтому мир не обладает полной самостоятельностью. При этом, несмотря на присущую миру изменчивость, внутреннюю раздвоенность любых процессов и вещей на их противопоставленность, вещественные основы находятся во взаимодействие с идеальными началами, В этом случае Логос как идеальное основание бытия соединяет единство любых противоположностей.

---

[22] Ницше Ф. Так говорил Заратустра. О старых и новых скрижалях. СПб., 1900. С.43.

[23] Marquardt Joachim, Die Römische Staatsverwaltung, B., 1885. S. 234.

Отсюда Идея (ἰδέα), Логос (λόγος), Ум (υόος) выступают как внутренняя (идеальная), скрытая сущность вещи. Идеальное всегда предстает как имманентный способ бытия мира вещей. Это то постоянное начало, которое не подвержено изменению и противоречивости и выступает основополагающим образцом для преходящего и конечного состояния вещей. Оно равно самому себе, поэтому его сущность (οὐσία) неподвижна и самодостаточна. Материальный, лишенный жизненного начала мир сам по себе не в состоянии распознать и раскрыть собственный идеальный образ. Достижение этой цели по силам только человеку, связующему две сферы: идеальную и вещественную. Только обладание телесной сущностью и заключенной в ней духовной основой позволяет человеку раскрыть осознание бытия, с одной стороны, через мышление (υόημα), с другой, через саму возможность совершать духовные усилия по преодолению вещественной ограниченности. Что, в свою очередь, создает возможность выявить идеальные основы, присутствующие в конечном и плоском бытии.

Тем самым противоположные и часто враждебные процессы, свойственные внутренней природе бытия, разрешаются через наличие общей точки опоры (κοιυός), существующей во всем многообразии творения. Поэтому задача человека – найти то подлинное, что скрыто в материальном бытии вещи. В этом случае бытие уже сущностно не разделено на противоположные начала, его кажущаяся изменчивость и противоречивость сближаются, затем согласовываются в осознающем разуме. Противолежащие основы совпадают и становятся тождественными, а не враждебными друг другу. Это похоже на процесс, когда раздельные положения, находящиеся в той или иной вещи, одновременно, каждый момент пребывают в ней и, в то же время, переходят в иное. Тем самым сущее, будучи одно и само-по-себе, в то же время включает и все остальное в совокупности[24].

Описанный интеллектуальный и духовный процесс выступает как поиск и собирание *идеального* в темном веществе. Это путь невероятно трудный и требующий огромных усилий, но только он приводит к подлинной цели. Те, кто пытается осознать Истину, должны себе представлять, что существует один общий мир (κοιυός κόσμος), мир искаженных смыслов, который, при этом, все же обладает возможностью избавиться от наличной, собственной, сущностной кривизны. В этом случае мир и человек имеют надежду выпрямить искривленное пространство собственного существования.

Но наличествует и иной путь, направленный в противоположную сторону. Единое и цельное в вещах превращается в чувственную раздельность, а сам мир ограничивается чувственным, преходящим «я» (ίδιος κόσμος), пытающимся создать всякое бытие в себе и исключительно из себя. Примером может случить очевидная слабость автономного человеческого разума, ведущего к заблуждениям и неспособного познать истину. Человек остается наедине не с реальностью, а с кажущимся, не настоящем бытием. Происходит подавление всякого духовного движения плотской чувственностью человека. Человеческие разум и чувства погружаются в бесконечный цикл возникновения и исчезновения. В кажущихся вечными процессах рождения и гибели бытие становится неустойчивым. Подобное существование само по себе уже никогда не пребывает как сущее, оно «непрестанно нарождающееся и погибающее, по истине же никогда не сущее»[25](άεί γιγυόμευόυ τε καί άπολλύμευου όυτως δέ ούδέποτε όυ[26]). Вовлекаясь в нескончаемый и постоянный круговорот космической разрушительности, человеческое сознание сталкивается с небытием (τό μή όυ), ошибочным образом считая его своей подлинной основой, истинным субстратом. Вещественное небытие, в свою очередь, порождает в разуме призраки обманчивой чувственности.

---

[24] Ritter C. Neue Untersuchungen über Platon, Münch., 1910,S. 228–336.

[25] Перевод наш. – А. Щ.

[26] Платон, Тимей 28a II Timaeus, ed. J. Bumet, Platonis opera, vol. 4. Oxford: Clarendon Press, 1902 (repr. 1968): St III.17a-92c.

Напротив, истинно сущее в вещах не является простым отвлеченным единством, оно как *единое* присутствует в бесконечной множественности бытия. Между миром неизменного *становления* и идеальной областью оказывается нечто общее, трудно выразимое, открывается точка соприкосновения между идеальным бытием и природным небытием мира явлений. Эта связь для пустого счетно-расчетного рационализма слишком отвлеченная, она лишь указывает на общую возможность объяснения, но не дает его в действительности. В то же время неуловимость этой связи проникает в чувственный предмет и наполняет его идеальным смыслом.

Точка *связи* двух начал выступает как предел (πέρας), благодаря которому материя, как беспредельное начало (τό ἄπειρου), получает свое предметное устройство. Главным остается не противостояние между стремлениями к идеальным основаниям, возвышающим душу в умопостигаемую сферу чистых форм, с одной стороны, и чувственными влечениями, погружающими любые духовные поиски в поток обманчивого «становления» (γέυεσις), с другой. Важнейшим в познании является не раскрытие чего-то особенного, автономного, независимого и самостоятельного, относящегося к той или иной стороне бытия и человеческой природы, а того, что обнаруживает ее единство и полноту.

Отыскивая подлинное неясным стремлением ума и души, рассматривая предметы, понятия и определения, мы не находим ничего устойчивого и неизменного. Наш разум не насыщается тем, что он ищет, при этом он не может остановиться в своем поиске, перебирая бесконечность предметного мира. Отсюда вытекает заключение, что искомое находится за пределами или по ту сторону (επέκειυα) всякого определения, установления мысли и бытия. Искомое есть сверхсущее (ύπερούσιου), и мы познаем его, когда отрицаем всякое о нем понятие. Так как это идеальное начало не выразимо на языке рациональных определений и суждений, то для его понимания остается заложенная в человека способность подняться выше наших физических, природных представлений.

Именно этот внутренний дар и позволяет человеку выступить «вовне» всякой определенности. Человеческий разум, в таком случае, в области своих представлений выбирает нечто *целое, нерасторжимое,* превышающее всякую дробность и разобщенность мысли, в которых находится сам разум. Свою раздельность одновременно на идеальные образы и условность физического восприятия человеческий разум противополагает некоему Единому (εις). Предполагаемое Единство, в отличие от всякой раздельности, неделимо, целостно и нераздельно. Оно выше и больше всякой условной мысли. Поэтому ум, в процессе идеализации, определяет его как подлинно сущее (τό ὄυ), отличая от себя самого, тоже *сущего,* но являющегося относительным и условным. В этом смысле Единое – это пребывающее, всегда установленное и неподвижное само в себе. Оно находится в покое (στάσις), так как у него нет никакой нужды куда-либо двигаться. По своему положению (στάσις) оно находится одновременно в каждой из своих точек и всех мест бытия.

Человеческий разум, в отличие от Единого, всегда имеет направленное движение, как «вовне», из себя, так и «внутрь», к самому себе. Процесс мышления – это всегда движение (κίυησις) к чему-то другому (έτερότης) и предстает как попытка устранить разлад и разногласие между собой и *иным. Иное,* в этом случае, для разделенного с бытием разума есть чистое и самодостаточное тождество (ταυτότης). Для того чтобы иметь положительное знание о Едином, надо вначале признать его существование. Высшее Начало, в таком случае, выступает не просто как феномен игры ума, его внутренние впечатления и представления, а как необходимое отрицание у него всяких определений.

Как уже отмечалось, в мире присутствует множественная полнота идеальных основ бытия, образующих мысленный мир (κόσμος υοητός). Эти идеальные начала – не сами внешние предметы, не их форма, а исходные положения всякого существующего предмета и его формы. Они – вечное вращение (έπιστροφή) и, следовательно, обращение и изменение всей мировой совокупности самой в себе. В этом случае признание первоначальной нераздельной

целостности имеет значение положительного и совершенного блага, на которое только и может быть направлено действие разума.

Проводя разделение между собой, Высшим Началом и физической реальностью, рассудок не противопоставляется последним. Разделение уже не есть противопоставление, между ними нет сущностной пропасти. Что такое физический мир без идеальных оснований? Хаос, в котором нельзя представить ни движения, ни покоя, ни постоянства, ни изменения, ни бытия, ни небытия. Напротив, что такое Высшее Начало без осознания его человеком? Для самого человека, в данном случае, это просто отвлеченное, несуществующее в действительности логическое понятие, форма без содержания, чистый абстракт.

Таким образом, единая цель и порядок положены Творцом в основу всего существующего, что обнаруживает божественное единовластие во всем строе Вселенной, включающим в себя социальный, общественный порядок, придающий целостность и единство образу человеческого существования при всем многообразии и различии человеческих личностей. Как и в космическом порядке, единство выступает как высшее благо, а раздвоение, напротив, несет с собой разрушительные (злые) основы. Если единица собирает воедино рассеянное и разделенное, то всякая двойственность есть зло, «подлое число», олицетворение всего того, что противится божественному порядку, сам принцип раздора и раскола. Отсюда единство предстает как универсальный закон, лежащий в основе существующего, форма космической, а возможно, и политической теократии.

Возвращаясь к нашей теме, можно сказать, что Единый Бог от создания мира установил единоначалие как в Универсуме, так и в человеческом существовании. Поэтому идеальное и абсолютное единство, пронизывающее все бытие, – это центральный мотив христианских представлений о власти, одна из главных пружин, приводящих в движение человеческое общество[27]. Единство, заключенное в сущности любого проявления власти, выступает как единство содержания, при наличии проявления разнообразных внешних форм политического устройства, вызванных приспособлением к различным условиям. Именно поэтому Фома Аквинский сравнивал государство с живым телом, в котором голова, заключающая в себе неразделенный разум, управляет всеми способностями нашей души. В мире все, как и в человеческом теле, расположено в правильном иерархическом порядке, в котором низшие ступени по закону справедливости подчиняются высшим ступеням[28].

Именно с указанной точки зрения взаимосвязи абсолютных, идеальных основ и условных начал, заключенных в сущности любого явления и предмета, необходимо исследовать и само понятие *власть*. Другими словами, в нашем случае феномен *власти* рассматривается как некое высшее совершенство. То есть любое рассмотрение реальности, как не соответствующей идеальным началам или не имеющей их в себе, должно быть отвергнуто как изменчивое и ложное мнение. Кроме того, полностью отвлеченный от действительности идеал превращается в опасную и разрушительную для самой социальной действительности утопию.

Отсюда возникает задача анализа сущности *власти* как явления, которое включает в себя связь природного (социального) и идеального. Только в таком случае возможно действенное и положительное преобразование социального хаоса. Поэтому принципиальная истина самого наличия власти выступает как совокупность этих двух противоположных начал. Исключение из общественной жизни какой-либо из этих двух основ может привести лишь к ухудшению

---

[27] Именно по этой причине монархическая, императорская власть дала наименование императорам как «владыкам мира» (totius mundi domini), греческое Пантократор (παντοκράτωρ). Уже позднее, в Новое время, императорская (государственная) власть получила статус абсолютной. То есть латинские (западноевропейские) представления о теократии, в конечном итоге, привели к материалистическому пониманию власти в утопических учениях. Хотя в первоначальном смысле это была единая идея объединения человечества во всемирную respublica Christiana. Республика понималась не как форма, институт управления, а как «общее дело» всего человечества.

[28] Conway, J. P., Saint Thomas Aquinas. London, 1911.

общественного бытия и торжеству низших интересов и необузданных страстей. Это то, что средневековые схоласты обозначали как извращенный политический и государственный порядок – «порядок, висящий вниз головой»[29] (capite pendet deorsum).

Когда мы говорим о метафизических процессах, касающихся абсолютного и относительного в понятии *власть,* то необходимо отличать умопостигаемое, или умозрительное (νοητός), от понимающего (νοερός), то есть того, что относится исключительно к человеческому разуму. Существует понимающее, разумное начало и определенный предмет понимания. Сам разум и объект постижения совершенно различаются. Умственные построения часто не имеют никакого отношения к действительности. Поэтому то, на что направлено сознание, всегда превышает разум. Умозрительное больше того, что мыслит о нем. В то же время умопостигаемое является некоей необходимой пищей для разума, без которой сам разум не мог бы существовать и действовать. В случае отсутствия умопостигаемого рассудок остается замкнутым в собственном неведении и покое.

Следовательно, *умопостигаемое* превышает постигающий его разум, с одной стороны, с другой, оно существует до появления всякого *разумеющего* сознания. Отсюда человеческий разум всегда находится в подчиненном положении по отношению к высшему устройству, которое он пытается постигнуть. В этом и заключена разница между *умозрительным* и *понимающим.* Но само *умопостигаемое* не является чем-то несуществующим, как призрачная мысль или, наоборот, существующим как физический объект. *Умопостигаемое* само по себе – это сущность и энергия, то есть сила, проявляющаяся в действии, осуществленная действительность. *Умопостигаемое* – это живая сила, находящаяся выше телесной изменчивости, в которую заключен человеческий разум. Если в физической действительности движение и покой предстают как противоположности, то в умозрительной сверхреальности они представляют собой единство и тождество.

Если бы *умопостигаемое* было лишь игрой ума или физическим (мертвым) объектом, то человеческий рассудок в первом случае не мог бы описать действительность, так как она была бы условной, субъективной степенью восприятия самого себя. Тогда это был бы лишь сдвиг сознания, непрекращающиеся галлюцинации. Во втором случае, если предположить, что *умопостигаемое* – лишь отпечаток в сознании материальных объектов, то каким образом лишенное жизни косное вещество может определять разум, существующий только в живом теле? Следовательно, в *неживом* веществе находятся некие силы и действия, которые тождественны с разумом. Эти силы можно мыслить и обозначить как *невещественные.* Таким образом, вещество, весь физический мир, просвещается смыслами, стоящими по ту сторону природного мира. Всякая сила нематериальна, и на нее никоим образом не распространяется пространственная протяженность.

Таким образом, физическое бытие, постигаемое чувствами, само по себе является *несущим,* поскольку постоянно видоизменяет свои формы и содержание. Ведь нельзя же утверждать, что нашим настоящим бытием является распад, разложение существующих элементов и форм. Если бы это было так, то мы никаким образом не испытывали бы личной катастрофы от качественных превращений, изменений и конечности любых вещей. Поэтому подлинное существование для этого мира возможно только в отношении с бытием, вечно пребывающим и неизменным.

Каждое событие представляет собой лишь отдельное звено в бесконечной цепи механизма причинности. Жизнь есть предельное понятие в механическом объяснении мира. Возникновение органической организации из неорганической жизни недоступно нашему познанию. Но этого процесса мы никогда не будем в состоянии ни постигнуть, ни доказать, ибо, в противном случае, мы и сами могли бы его воспроизвести, мы же знаем только то, что сами и

[29] Reuter G. Geschichte religiösen Aufklärung im Mittelalter. Berlin, 1877. S. 101.

творим. Целесообразность для нашего познания играет роль чуждого пришельца, потому мы имеем право и принуждены рассматривать ее в качестве гостя из высшего мира, из мира целей.

В заключение скажем, что все приведенные отвлеченные размышления существенно важны для определения природы государственной власти. Власть – это всегда воплощение необходимости, погружение в неизбежность (κείμαι). Власть – нечто покоящееся, лежащее в основе вещественного бытия, которое всегда находится во власти чего-либо. Власть простирается по всему бытию, устанавливая его связи. Иерархия и подчиненность бытия являются его общими свойствами, началами и принципами. Идеальное начало (ιδέα) власти, ее первообраз рассеян во многих вещах, поэтому, чтобы понять природу власти, надо, как говорил Платон, «распознать единое начало во многих вещах» (μίαυ ίδέαυ διά πολλώυ διαισθάυεσθαι)[30]. Это одна из главнейших причин установления эмпирического мира. Отсюда проистекает и наша задача, она направлена на изображение, демонстрирование (φαυτάσία) этого единого начала власти, выставление его напоказ, схватывание (κατάληψις) его сути. Существуют вечные, абсолютные истины, и есть изменчивые, условные истины фактических явлений, которые необходимо соотносить с вечными истинами.

Абсолютное Начало есть *Творец видимых и невидимых.* Бог Слово, который есть абсолютный Образ скрытого Бога: неограниченный, безусловный, безотносительный и совершенный. Он – первооснова мира, первоначало всего сущего, вечное и неизменное, которое понимается единым, всеобщим, безначальным, бесконечным. Иным по отношению к Абсолютному Началу является относительное бытие. Сам Логос, будучи единым и всеобщим, представляет собой Абсолютную Волю и Абсолютную Власть. Логос создает созвучное бытие по некоему идеальному замыслу. В своем первоначальном смысле бытие – это чистая и гармоничная последовательность вещей, построенная по иерархическому принципу. Созданный Универсум похож на цепь, спускающуюся с небес, низшие звенья которой подчиняются высшим.

Само бытие состоит из двух уровней: идеальных смыслов и мира становления. Эти бытийственные уровни – одно и то же, но противоположны друг другу. Их противоречие разрешается с помощью иерархии смыслов и иерархии упорядочивания, где власть выступает как главный смысловой инструмент. Власть, призванная управлять противоположными величинами, опосредует (то есть выражает) внутреннее состояние единства бытийственных соположений. Таким образом, абсолютная власть является бытием в себе и гармонией бытия для иного. Она устанавливает образ зависимости и влияния внутри бытия. При этом абсолютная власть имеет абсолютное превосходство над всем остальным. Наличие абсолютного во власти означает, что власть всегда должна иметь религиозную санкцию. Части всегда должны подчиняться целому.

Бытие наделяется абсолютными, совершенными признаками свободы и порядка. Свобода как стремление бытия к самоопределению требует возможно большего торжества индивидуального начала. Порядок возникает как совокупность необходимых мер, ограничивающих свободу состоящего из множества противоречивых элементов мира. Поэтому власть существует для охраны целого, и она естественно направлена к торжеству гармонии начал. Порядок охраняется властью, но на ней лежит вместе с тем и обеспечение свободы выражения бытия.

Потому ограничение понятия власть пределами физического мира и инстинктами, присущими животной стороне человека, напоминает тщетную попытку сплести вервь из песка. Поскольку человеческий ум устроен таким образом, что имеет возможность восходить в умозрительные, абсолютные области, то ему нет необходимости влачиться по мрачным путям материализма, постоянно быть смущаемым прахом земных наваждений. Власть всегда возвещает об ином, она и есть откровение иного. Поэтому необходимо рассматривать не то, что

[30] Платон. Софист. 253d5-9 // Sophista, ed. J. Bumet, Platonis opera, vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1900 (repr. 1967): St I. 216a-268d.

собой представляет власть как внешнее явление, а то чем она является сама по себе (άλλο άγορεύει) и каким образом она связана с *иным*.

Любые «властные» действия исходят из ее сущности. Поэтому какова сущность, таков и результат: «Поскольку, если кто сущность и действие назовет [тождественными – *А. Щ.*], – *н*е ошибется, ибо действие И есть сущность»)[31]

аще бо ихъ кто и сѧщьство и дѣиств
(речеть не согрѣши(т҃). сꙋть бо сꙋщьство и дѣиство

С большей наглядностью эту тождественность между сущностью и действиями можно увидеть, исследуя природу огня: «Сущностью именуется природа огня – его способность нести свет, действием же – следствие силы, то есть то, что огонь освещает и сжигает»[33]

ѡгнѣ е(с҃)ство, силоу
ж то(г҃) просвѣщательное дѣиство же, еже силы акон(ч҃)чанїе. рекъше
(просвѣщателно и жегꙋщее

Итак, настало время перейти к исследованию непосредственно самой сущности власти. Говоря таким образом, мы хотим исследовать бытие власти, то есть ее «вещность». Другими словами, необходимо отграничить сущее по способу бытия власти от сущности власти по способу творения бытия.

[31] Перевод наш.-А.Щ.

[32] Творения Дионисия Ареопагита, XIV в., РГБ, Фунд. № 144, Л. 55 об.

[33] Перевод наш.-А.Щ.

[34] Там же. Л. 56.

Сущность власти

После того, как мы обозначили пределы абсолютных и относительных начал *власти,* представляется вполне закономерным, что дальнейшее повествование об этом явлении должно начаться с установления понятия о сущности власти и свойственной ей природе. Надо показать, чем она является сама по себе (άλλο άγορεύει). Тем самым понятию (пониманию) *власти* необходимо дать определение, отличающееся от общепринятых формальных, юридических вариаций. Это поможет прояснить все основные признаки и составные элементы, определяющие именно ее сущность. При этом, как было уже установлено выше, основой нашего исследования станет обращение к трансцендентным началам власти.

Говоря о природе власти, необходимо также выяснить, что собой представляет власть как *чистый* объект? В чем заключаются сверхпространственные и сверхвременные атрибуты власти, и как они реализуют свой внутренний состав, переходя «вовне», в человеческий социум? Для этой цели необходимо исследовать, какая данность заключается в описываемом понятии *власть.* Здесь важно отличить само бытие *власти* от проявления ее исторических свойств и преходящих состояний, которые во многом являются случайными и потому неустойчивыми. Другими словами, причинность проявлений власти отнюдь не однородна с ее сущностью.

Как уже отмечалось, первоначальная природа власти – это запрещенная тайна, погружение в которую возможно лишь благодаря пути, избираемому не только разумом, но и интуицией. В этом случае и наука, и искусство выступают как средство для достижения этой цели. Вначале может показаться, что такой подход имеет некое фантастическое направление, при помощи которого сама сущность власти может открыться только благодаря таинственному, чудесному знанию. Безусловно, природу власти необходимо рассматривать как непостижимое откровение Божества, видя в ней приливы и отливы Божественной Первосилы, но, благодаря метафизике, чистыми формами мысли можно в некоторой степени постичь определенную природу феномена *власть.*

Поэтому разговор пойдет о началах этого явления, как бы прихотливо ни расходилось их понимание в отдельных научных представлениях. В метафизическом смысле уяснение основ, в данном случае *власти,* часто превосходит силы чувственного восприятия и рассудочного мышления. В этом случае таинственную сущность *власти* можно понять только непосредственным духовным созерцанием. Эта та высшая познавательная деятельность, которой нельзя ни научиться, ни научить, но которая составляет самую сокровенную тайну созерцающей души, превосходящую всякое научное и рассудочное знание, что приводит в итоге к благочестивому и блаженному погружению в таинственные глубины, окружающие Божественную Первосущность.

В теориях, полагающих в своих основах только вещественную действительность, человек, объединяя различные пространства, более не связан с идеальным началом в мире, он уже не субъект смысла, а субъект природы, который безуспешно пытается найти ей внятное рациональное толкование. И здесь совершенно не важна политическая форма государства, стройность его институтов и наличие внешне привлекательных политических теорий. В таком человеческом обществе объяснение мира остается только у науки. При этом сами научные исследования стремятся свести многозначность реального бытия исключительно к рациональному объяснению.

Но если остается только рациональное объяснение, где единственным судьей является разум, то нарушается идеальное неразрывное единство человеческого бытия, его целостное видение дробится на не связанные между собой части, выступающие как дурное, бесконечно враждующее между собой множество представлений. Идеальное не доказывает, оно показывает. Абсолютное не исследует отделенную от него реальность, не пытается судить о ней, оно

и есть главная основа этой реальности. Идеальное – это не просто мышление, это подлинный образ познания, благодаря которому и можно получить смысл.

Что же мы видим в научном исследовании? Наука занимается изучением исключительно естественных причин, она основана на рассудке, действующим по определенным логическим законам: доказательстве, анализе, логике исключения третьего и экспериментальной проверке. Приведем простой пример: когда И. Ньютон задал свой вопрос, почему яблоко падает на землю, то его ответ как ученого всем нам известен – яблоко падает на землю, потому что существует сила тяготения Земли (гравитация). Но по большому счету – это не ответ, это лишь описание явления. Оно объясняет, каким образом предметы притягиваются друг к другу в зависимости от массы и в обратной зависимости от расстояния до них. Но наука никогда не задает вопрос, *почему* это устроено именно таким, а не иным образом? Если задать вопрос, а что такое сама наука, то можно с уверенностью сказать: наука – это удовлетворение логического беспокойства, интеллектуального любопытства и средство для создания различных технологий, облегчающих скорбную человеческую жизнь. На самом деле это безнадежная попытка вдохнуть жизнь в изначально мертвую материю. В нашем случае подобная интеллектуальная игра приводит к тому, что государство из живого организма превращается в безличную, жестокую машину.

Объектом высшего познания, превосходящего всякое знание и мышление, служит некая, выходящая за границы природного мира, реальность. В то время как обыкновенная наука имеет дело исключительно с природными законами этого мира. Но, в сущности, оба исследовательских подхода вновь и вновь становятся одним и тем же: мир предстает только как несовершенное откровение и расчленение данного ему бесконечного идеального содержания, исходящего из живых глубин совершенных первосущностей.

Мир в своей наличной форме, во времени и пространстве, заключает в себе бесконечные и абсолютные начала, составляющие полноту постоянно становящегося мира. Отсюда возникает единство всех противоположностей, где каждая вещь, несмотря на свою сущностную индивидуальность, пребывает в гармоничном порядке, что и составляет ее общность со всеми остальными индивидуальностями. Универсум представляет собой господство идеальных сил, в которые можно проникнуть не путем мертвого книжного знания, но лишь непосредственно живя, чувствуя и действуя вместе с этими силами. Постижение идеальных сил и ведет к торжеству критического и духовного разума над грубостью чувственного усвоения вещей.

Но изучать природу таким способом – совершенно не значит строить свой умозрительный, выдуманный мир. Выводы, полученные посредством умозаключений, являются в лучшем случае лишь предчувствиями истины, и тогда только могут считаться вполне достоверными, когда они оправданы посредством опыта. Для научного познания единственным объектом рассмотрения может являться только этот мир в том несовершенном и изменчивом виде, в котором он существует теперь. На самом деле видимая, физическая, постоянно становящаяся Вселенная – не мертвая и неподвижная материя, она представляет собой отблеск вечного, божественного Первосвета, наполняющего все бесконечное мировое пространство.

Пожалуй, самым простым способом понять, что представляет собой сущность власти – это обратиться к смыслу латинского глагола religare. В одном из своих значений этот глагол указывает, что нечто, отстоящее друг от друга, необходимо «связать», «соединить». В этом смысле власть можно рассматривать как отношение, вновь соединяющее некую разорванную иерархическую ткань бытия, бывшую когда-то цельной и единой. Власть способствует восстановлению, соединению, возобновлению некогда утерянного единства, собиранию рассредоточенных частей и объединению их с целым. Примерно то же значение может иметь, по мнению

Цицерона, близкий к religare латинский глагол relegere, что значит «вновь собирать», «снова обсуждать»[35].

В представленных значениях упомянутых глаголов для целей нашего изложения важны два момента: первый – это возвращение первоначальной целостности, второй – это план действий, выработанный (обсужденный) для достижения и выполнения данной задачи. По сути, благодаря иерархической структуре, которую можно обозначить как *власть,* проявляется высшая действительность. С другой стороны, *власть* – это установление гармоничного бытия, некоей созвучной иерархии, которая «обнаруживается» в области природной и человеческой деятельности, то есть в мире с временной структурой, где *время* выступает как закон всеобщей конечности явлений.

С внешней стороны реализация *власти* происходит в рамках *прошлого, настоящего* и *будущего.* Безусловно, можно рассматривать *власть* исключительно с этой точки зрения, но такое «естественное» понимание власти исключает внутреннюю ее ценность, сводит ее назначение и деятельность на уровень формальной функции, замыкает в рамках господства одних людей над другими, тем самым делая *власть* юридически и формально безликой. То есть из понятия *власть* уходит ее сущностное наполнение и *власть* приобретает сущностную неполноценность, так как отвергает всеобщую зависимость *временного* от *вечного.*

Другими словами, *временное* отвергает *вечное,* что само по себе представляет логическую нелепость. Если существует *временное,* то, по пифагорейской таблице противоположностей, изложенной Аристотелем в «Метафизике», должно существовать *вечное*[36]. По этой мысли, существующий *предел* предполагает *беспредельность,* а *тьма* – это отсутствие *света.* Присутствие *света* позволяет различать доселе неразличимые вещи, скрытые во *тьме.* Правой стороне всегда противостоит левая сторона. Если нет *добра,* то *зло* уже не *зло,* а *добро.*

Отсюда *власть* не может рассматриваться в обывательском (общепринятом) смысле, когда некто, наделенный правом силы, отбирает нечто у более слабого, этой силой не обладающего. Например, государство, забирая у человека его *естественные права,* взамен предлагает ему лишь условную и фиктивную защиту с помощью искусственно созданных государственных структур. Находясь в *природных пределах,* политическая власть не может быть только человеческим установлением, будучи частью, она не может выдавать себя за целое. Без всякой связи с первоначальным единством, лежащим за физическим бытием, власть теряет всякий смысл, более того, приобретает очень опасные черты.

Человеческая (государственная) власть не только заключает в себе свое собственное начало, но и обладает возможностью отражать те основы, которые и дают вероятность появления любого оформленного бытия. Без этого метафизического Начала власть – бессознательная, ничем не удерживаемая стихия подчинения и разрушения. Именно в этом смысле возникает связь *власти дольней* и *власти горней,* где последняя является организующим началом, определяющим различные состояния и свойства низлежащей *власти.* Высшая власть не существует только как отвлеченное человеческое представление, но она и не подвержена изменениям, свойственным веществу.

Поэтому любая государственная власть содержит в себе вечные и идеальные начала, которые имманентно присущи ей и являются ее причинами: «Над ними же она существует и на них же имеет власть (силу)»[37]

---

[35] Rawson E. Lucius Crassus and Cicero: the formation of a statesman // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 1971. Vol. 17. P. 77.

[36] Аристотель. Метафизика, I, 5, 986a // Metaphysica, ed. W. D. Ross, Aristotle's metaphysics, 2 vols. Oxford: larendon Press, 1924 (repr. 1970 [of 1953 corr. edn.]): I:980a21-1028a6, 2:1028a10-1093b29.

[37] Перевод наш.-А.Щ.

(Надъ ними же есть и на нихъ же имать силꙋ)[38]. Отсюда *власть* и не поддается окончательному рациональному познанию, так как содержит внутри себя, как образец, идеальную природу. В противном случае власть перестала бы существовать, и вместо нее наступил бы полный хаос и неуправляемая анархия.

Метафизические основы власти неизменны, как неразделимое единство она обладает потенцией рождения, при этом не происходит ее внутреннего дробления, умаления самой сущности власти. Идеальный образ власти пребывает единым и целым, заключая в себе и проявляя «вовне» принцип всякой цельности и единства. Высшая власть заключает в себе совершенную полноту своего низшего образа – земной власти, она жизнь политической власти, ее тайный источник (πηγή) и корень (ρίζα). Идеальная *власть* всегда есть как начало самой себя, так и упорядочивание своего и *иного.* Это начало воплощает известные гармонические отношения в пределах всей структуры элементов, из которых и состоит любое проявление власти. Вместе с тем, высшее начало помогает прояснить в действиях любой государственной власти все ложное, наносное, субъективное и не сущее, то есть то, что ей не свойственно изначально.

[38] Поучения Кирилла Иерусалимского. XII-XIII вв., ГИМ, Син., № 478, Л. 157 об.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.